

Боевые действия в Утицком лесу

К данному сюжету мы уже обращались дважды. В первый раз выясняли расположение отряда Тучкова 1-го и его предназначение, во второй – проанализировали действия вестфальского корпуса в этом лесу. Но главная задача в этом районе была возложена Наполеоном на 5-й (польский) корпус. Данный сюжет подробно рассмотрен в работах польского военного историка М.В. Кукеля, но не удостоился специального внимания отечественных авторов. При описании боевых действий в лесу большинство авторов ограничивалось пересказом соответствующего места из «Описания» К.Ф. Толя. Некоторые ученые использовали также рапорты К.Ф. Багговута, П.П. Коновницына, П.А. Строганова, мемуары Е. Вюртембергского, но и в этом случае картина оставалась односторонней. Только М.И. Богданович и А.П. Скугаревский учитывали сведения, исходящие с неприятельской стороны, но далеко не все; к тому же, количество опубликованных с тех пор источников значительно возрослоⁱ.

Таким образом, описание боя в Утицком лесу страдает односторонностью, неполнотой, расплывчатостью; противник выступает лишь как объект силового воздействия русских войск. Для того чтобы создать более объективную картину тех событий, мы привлекли сведения, исходящие и с неприятельской стороны. Из официальных документов опубликован только рапорт Ю. Понятовскогоⁱⁱ. Некоторые польские офицеры оставили воспоминания – полковник Я. Вейсенхоф, капитаны К.Ю. Колачковский, Х. Дембинский, М. Рыбинский, Р. Солтык, поручик Л. Ельский (звания указаны на 1812 г.)ⁱⁱⁱ. Из них лишь первые два переведены на русский язык. Мы использовали также исследования, написанные позднее участниками сражения^{iv}. Сведения мемуаристов иногда расходятся между собой, особенно в хронологии. Еще сложнее согласовать показания поляков с сообщениями русских источников, поскольку каждая сторона старалась превознести свои успехи и преуменьшить таковые противника.

На перекличке 2 сентября 5-й польский корпус насчитывал 7361 пехотинца, 1638 кавалеристов, 1069 артиллеристов, а всего 18 батальонов, 16 эскадронов, 10068 человек и 50 орудий; еще 260 пехотинцев были откомандированы, но к 5 сентября могли вернуться в строй. Пехотные полки имели по две 3-фунтовых пушки, дивизионная артиллерия состояла из 6-фунтовых пушек и гаубиц, а в резервной артиллерии была 14-я рота, имевшая на вооружении шесть 12-фунтовых орудий. После Шевардинского боя, в котором поляки потеряли 25 офицеров и около 500 солдат, численность пехоты сократилась примерно до 6,5 тыс. человек. Поляки расположились лагерем к югу от Доронино^v.

Левый фланг русской позиции упирался в лесистую, частично заболоченную и поросшую густым кустарником местность, по которой проходила Старая Смоленская дорога. На этом тракте, примерно в трех верстах юго-западнее д. Семеновское располагалась д. Утица. Этот, по выражению Ж. Пеле, «частый и лишенный тропинок лес... казалось, ставил границы движениям обеих сторон». Однако в день грандиозной баталии и здесь развернулись достаточно упорные бои.

6 сентября во время осмотра позиции Наполеон и Мюрат со всем своим штабом прибыли к обозу 5-го корпуса. Сопровождавший императора Пеле пишет, что тот «взошел на возвышенность, которая находилась между Дорониной и Утицей. Там, осмотрев в подзорную трубу, помещенную на плечо Жоашена, он громко сказал Понятовскому: *завтра идти прямо перед собой (droit devant lui); опрокинуть все, что он повстречает; затем направиться влево, чтобы обойти неприятеля и поддержать атаку французской армии*». По словам Ельского, «князь Юзеф еще днем 6-го разведдал

неприятельскую позицию на левом крыле, положение деревни Утица (Wogowna) и дорогу, ведущую туда». Правда, Колачковский уверял, что «засевшие в кустарнике, недалеко от нашего обоза, *русские егеря очень сокращали наш кругозор*. С холма, отнятого накануне вечером, видны были только бесконечные заросли»; только Старая Смоленская дорога и д. Утица были видны довольно ясно^{vi}.

Впрочем, задача 5-го корпуса на день сражения определилась не сразу. По сообщениям Г. Гурго и Ф. Сегюра, маршал Л.Н. Даву, осмотрев местность на правом фланге армии, предложил Наполеону в течение ночи обойти русскую позицию со своим и польским корпусами по Старой Смоленской дороге и, ударив во фланг русской армии, опрокинуть ее в угол, образуемый реками Колочью и Москвою. По мнению Вейсенхофа, этот маневр «маршал легко мог исполнить, ибо неприятель должен был или начать маневрировать, уклоняясь от него, либо, сохранив линию фронта против главной атаки, попасть под перекрестный огонь и неизбежно прийти в замешательство. На возможность такого легкого и безопасного движения маршала наталкивала общая обстановка и старая почтовая дорога в Можайск». Но сам Наполеон, по свидетельству А. Коленкура, «колебался, произвести ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля и частично оставить в стороне его редуты, или же... атаковать неприятельский центр с фронта и с тыла, начав атаку правым крылом. Он опасался, что побудит русских к новому отступлению, если примет первый вариант, который угрожал бы их тылу... Эти соображения склонили императора к принятию второго варианта». В конечном счете, в диспозиции император так определил задачу 5-го корпуса: «Понятовский направиться на деревню в лесу и обойдет позицию неприятеля»^{vii}.

Столь краткое и не очень конкретное приказание свидетельствует о том, что Наполеон не имел точных сведений о русском левом фланге и полагал, что серьезных препятствий поляки встретить не должны. Видимо, он допускал наличие здесь лишь заслонов из егерей и казаков. Кроме того, в приказе не сказано, каким путем поляки должны достичь этой деревни. Рассказ Пеле позволяет думать, что поляки должны были следовать напрямик через лес. Действительно, на французской карте отмечены три проселочных дороги, ведущие от Шевардино к Утице и от Шевардино и Доронино на Старую Смоленскую дорогу. Однако на первой из них русские наверняка сделали засеки, так как поляки ясно слышали стук топоров. Две другие, сходящиеся затем вместе, вели через густой лес и были труднопроходимы для большой массы войск, тем более с артиллерией. Видимо, поэтому поляки были вынуждены выбрать более удобную дорогу через Ельню, хотя это значительно удлиняло их путь.

Многие мемуаристы считали, что отказ императора от предложения Даву был вызван опасением, что русские, увидя себя обойденными, могли опять уклониться от генерального сражения. А. Виппер считал, что это соображение не имеет достаточных оснований, поскольку Наполеон уже не сомневался, что русские дадут сражение из-за близости столицы; они уже возвели укрепления. Полагаем, что историк не прав, так как русские и раньше строили укрепления, и совершенно не случайно, что Наполеон ночью не раз интересовался, не ушли ли русские. По мнению Виппера, у Наполеона были более важные причины для отказа от обхода. «Первая заключалась, вероятно, в том, что для предложенной операции пришлось бы направить значительную массу войск лесом, а *тогдашняя армия, привыкшая действовать в густых колоннах, была мало приспособлена к операциям на местности пересеченной и особенно лесистой*. Движение по лесу расстраивало стройные колонны и Наполеон... предпочел риску движения по лесам, атаку по местности открытой... Другая причина, еще более веская, могла заключаться в том, что предложенное Даву обходное движение значительных сил

подвергало риску путь отступления французской армии, лежащий по ту сторону Колочи»^{viii}. С первым предположением Виппера можно согласиться, добавив, что при движении группы Даву по лесистой и незнакомой местности французская армия на долгое время оказалась бы разделенной на две части, совершенно разобщенные между собой. Второе же объяснение ученого кажется нам необоснованным, так как в день битвы Наполеон рискнул-таки оставить на северном берегу Колочи всего 10 тыс. человек, т. е. всего 9 % своей армии.

С русской стороны этот район поначалу прикрывали шесть казачьих полков генерала А.А. Карпова 2-го^{ix}. «24 числа под вечер, – пишет Барклай, – примечено, что не строевые войски были недостаточны к прикрытию Старой Смоленской дороги, почему и занята она *ночью* 3-м корпусом... Полковник Толь прибыл к корпусу и приказал за собою оному следовать». Барклай подчеркнул, что «корпус уводится *ночью* к концу левого фланга» по повелению Кутузова, причем сам он об этом уведомлен не был. Сюда были направлены также 10 тыс. ратников Московского и Смоленского ополчений, которых капитан Гозиуш *в ночь на 25-е* отвел на место назначения^x.

О назначении этой группировки в русской официальной листовке сказано: «Тучков с 3-м корпусом и частью Московского ополчения *был размещен в засаде за кустарником* на крайнем левом фланге, *имея приказ действовать по Старой Смоленской дороге на правый фланг и тыл французов* тотчас же, как они начнут атаковать и будут пытаться обойти наш левый фланг». То же самое писали мемуаристы Э.Ф. Сен-При, Е. Вюртембергский, Г.П. Мешетич, Ф. Глинка и Д.П. Бутурлин^{xi}. А.А. Щербинин верно заметил, что на кроках бородинской позиции, начертанных 25 августа подпоручиком Е. Траскиным, над 3-м корпусом и Московским ополчением надписано: «Расположены скрытно». Но ни он, ни большинство историков не обращали внимания, что на кроках 3-й корпус изображен вовсе не к востоку от Утицы, а возле нее, и не в укрытии, а в атакующих колоннах, головы которых обращены на север. Кроме того, и на кроках, и на французском плане ясно видно, что от Старого Смоленского тракта к Семеновской ведут только две проселочные дороги: от Утицы и от устья Семеновского оврага, так что отряд Тучкова должен был двинуться по одной из них.

Утром 26 августа войска Тучкова расположились следующим образом. 1-я гренадерская дивизия построилась в низине перед Утицей в две линии батальонных колонн; в первой линии располагалась 1-я, во второй – 2-я бригады. Стрелки от каждого полка первой линии были высланы в лес. Таврический гренадерский полк также находился в лесу, прикрывая правый фланг дивизии. За гренадерами заняла позицию 3-я пехотная дивизия: в первой линии расположились Муромский и Ревельский полки, во второй – Черниговский и 1-й батальон Селенгинского полка. 20-й и 21-й егерские полки генерала И.Л. Шаховского располагались в лесу, вправо от дороги; вместе с ними действовали 1-й и 2-й сводно-гренадерские батальоны 3-й пехотной дивизии. При корпусе находились 6 орудий 1-й батареей роты и 6-я легкая рота (всего 18 орудий), а прочая корпусная артиллерия была оставлена в резерве. Позади 3-го корпуса на дороге расположились около 7 тыс. ратников Московского ополчения: 2-й егерский, 3-й егерский (1-й и 4-й батальоны), 1-й (1-й и 2-й батальоны), 4-й и 6-й казачьи пешие полки. Здесь же находилось и Смоленское ополчение. Казачьи полки Карпова заняли позицию южнее Утицы. Весь отряд Тучкова насчитывал около 18 тыс. человек^{xii}.

В 4 ч. 7 сентября поляки встали под ружье. По словам Понятовского, «в пять часов утра 5-й корпус выступил. *Совершив обход леса, мы прибыли* на старую дорогу из Смоленска в Москву; *мы последовали по этой дороге*»^{xiii}. Таким образом, поляки не пошли через лес, а обогнули его и у Ельни

свернули на Старую Смоленскую дорогу, что удлинит их путь до 8 км. Пеле полагал, что «польскому корпусу следовало для достижения Утицы, пройти не более двух с половиной километров. Он шел очень *медленно, делал частые привалы*» – так, наверняка ошибочно, он объяснял задержку атаки 5-го корпуса. Во главе шла 16-я дивизия генерала И.З. Красинского, в нескольких сотнях метров за ней – 18-я дивизия генерала К.О. Князевича в батальонных колоннах. Полковые пушки находились при своих частях, прочая артиллерия (40 орудий) двигалась между дивизиями. Кавалерия О. Себастьяни в эскадронных колоннах ехала справа от тракта. Начальник штаба 16-й дивизии Вейсенхоф вспоминал: «Наше войско имело перед собой с четверть мили густых, высоких и столь заросших кустарников, что было чрезвычайно трудно не только пробираться через него, но даже разглядеть что-нибудь в одном шаге. Генерал Себастьяни... явился перед началом нашего наступления к князю Юзефу и высказал пожелание исполнять при князе обязанности адъютанта, поскольку *кавалерия здесь совершенно не может действовать*». Лишь около 7 ч. поляки добрались до края леса, когда их уже начали беспокоить русские стрелки. «По мере того, – пишет Колачковский, – как рассыпанные в кустах неприятельские стрелки стали отступать, наши колонны, со стрелками во главе, двигались вперед»^{xiv}.

На восходе солнца Наполеон приказал генералу М. Сокольниковому: «Поезжайте сказать Понятовскому, чтобы он атаковал левое крыло неприятеля; *мой план заключается в том, чтобы действовать пошелонно моим правым флангом, и в этом последовательном движении пятый корпус должен вступать в бой первым*». Заметим, что эти слова, переданные Солтыком, полностью соответствуют диспозиции императора, согласно которой сначала открывали огонь позиционные батареи и «во время этой канонады князь Понятовский продвинется к деревне в лесу и обойдет позицию неприятеля»; лишь затем последовательно вступали в действие войска Даву, Нея и Богарнэ. Меньше чем через час Сокольниковый возвратился и доложил императору, что «нашел Понятовского на марше к позиции неприятеля, продвигающимся по старой Можайской *дороге, которая одна только может позволить его артиллерии следовать за его движением*; местность, которая отделяет его от москвитов, пересеченная и покрыта лесом и кустарниками».

Своему адъютанту Солтыку генерал сказал, что «считает движение Понятовского неуместным, поскольку *он слишком удаляется от направления, по которому тот, по его мнению, должен был следовать*, чтобы атаковать неприятеля, и что, следовательно, *его атака запоздает*. Он прибавил, что князь должен был в течение вчерашнего дня с помощью своих саперов подготовить дороги, предназначенные для употребления своей артиллерии». Сам Солтык считал, что критика Сокольникового несправедлива и продиктована, прежде всего, соперничеством, которое преобладало между ним и князем^{xv}. Из слов генерала можно заключить, что Понятовский действительно вынужден был двинуться окольным путем из-за характера местности. Подготовить же себе заранее и незаметно для противника путь напрямик через Утицкий лес он не мог, так как, по свидетельству Колачковского, там находились русские егеря. Он мог, конечно, оттеснить их оттуда, но тем самым указал бы русским направление своего будущего наступления.

По словам Дембинского, «сначала наши четыре кавалерийских полка развернулись фронтом в две линии, неприятель начал поражать нас сильным артиллерийским огнем. Так мы стояли некоторое время, пока не подошла наша пехота. Под прикрытием нашего развернутого фронта и шести наших орудий пехота стала проходить мимо нас и выстроилась перед нами». Около 7 ч. поляки начали выстраивать войска для атаки: в первой линии – дивизия Красинского, во второй – Князевича;

кавалерия свернула на правый фланг.

Коновницын пишет, что кроме 20-го и 21-го егерских полков 3-й дивизии, отряженных еще 25 августа на левый фланг 2-й армии, «все прочие войски 3-го корпуса занимали Старую Смоленскую дорогу, которую отделял от левого фланга общей позиции мелкой лес, простиравшийся почти на версту. 26-го числа на рассвете, при появлении неприятеля напротив лежащих высот, 1-я гренадерская дивизия построена была прежде в две линии, пехотные полки дивизии [3-й пехотной] в баталионных колоннах *за ними*^{xvi}. В каком положении и встречен был неприятель огнем нескольких орудий, устроенных при деревне Утице. Как местоположение могло быть для нас невыгодно, то по приказанию г. генерал-лейтенанта Тучкова линия гренадерской дивизии отошла за вторую к высоте, командовавшей всею окрестностию; где и учреждена была батарея из шести орудий батарейной роты полковника Глухова. Вместе с чем немедленно началась сильнейшая с обеих сторон канонада». В рапорте Строганова рисуется подобная же картина: «На рассвете, как скоро французские колонны начали показываться из лесу, первая линия 1-й гренадерской дивизии под командою генерал-майора Фока, стоящая за деревней... деплоировала [развернулась] и выслала своих стрелков против неприятельских стрелков же, но место положения весьма благоприятствовало неприятелю... Тучков приказал отступить за вторую линию, состоящую под командою генерал-майора Цвиленева, и *при отходе зажечь деревню*». При этом майор Екатеринославского гренадерского полка Кушин был «командирован с стрелками 1-го баталиона для защищения деревни и удержания неприятельских стрелков, коих с отличным мужеством удержал и, *зажегши деревню*, присоединился к полку». Подпоручик А.К. Карпов 6-й, командовавший двумя легкими орудиями, вспоминал: «Французы выдвинули ужасную линию артиллерии на свою позицию и нас первых с павловцами попотчевали картечью; тогда мы отступили на нашу позицию на одну высокую гору на левом фланге, а Павловский полк двинулся немного *вправо*».

В то же самое время Тучков вынужден был, подчиняясь приказам Багратиона, отослать к нему дивизию Коновницына (четыре пехотных полка), ослабив себя перед лицом наступающего противника. Случилось это «весьма рано», как писал Коновницын, а по словам унтер-офицера Тихонова, «часу в восьмом, коли не позднее». Видимо, тогда же Тучков обратился за помощью к Кутузову. Можно представить себе, – восклицал Щербинин, – как «Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом месте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов. На бедного Тучкова пало даже подозрение в главной квартире, что он не умел держаться». Сен-При также сетовал, что Тучков не исполнил данное ему приказание и «*не сделав никакой диверсии, ограничился высылкой 3 дивизии*». Геруа подсчитал, что у Тучкова осталось теперь лишь 3,5 – 4 тыс. человек и 36 орудий, а у противника было 10 тыс. человек и 50 орудий^{xvii}. Однако нужно помнить, что Понятовский атаковал силами только одной пехотной дивизии, да и артиллерийские орудия противники вводили в дело не все сразу.

«Выйдя из леса на равнину, – писал Понятовский, – мы заметили сильную колонну пехоты перед деревней Passarewo. Я приказал *устроить батарею из нескольких шести- и двенадцатифунтовых орудий на холме слева от дороги*; обстреливая в течение некоторого времени колонну, я велел моей пехоте быстро выдвинуться вперед и силою овладеть деревней Passarewo и, посредством *второй атаки*, – небольшим лесом, который находился *впереди деревни*. *12-орудийная батарея* полковника А. Гурского с господствующей позиции обстреляла деревню, после чего пехота Красинского ударила на

деревню и без труда взяла ее штурмом, затем захватила и «лесок возле деревни». По словам Ельского, «батальон третьего полка под командой начальника [батальона] Курциуша продвинулся до деревни, выгнал егерей в поле и закрепился в деревне; другие же два батальона этого полка, возглавляемые полковником Блумером, *перейдя за деревню, вытеснили москалей из леса справа и слева*, после чего корпус построился в две линии». Кавалерия Себастьяни прикрывала эту атаку справа от нападений казаков.

С рапортом о взятии д. Утицы к императору был послан в 9 часов поручик конной артиллерии А. Ростворовский. Солтык рассказывает, как в 10-м часу в свите императора «заметили прибытие молодого польского офицера, лейтенанта артиллерии, он назвался Ростворовским; он был бледен, а его шинель покрыта кровью; он держался на лошади с большим трудом». По пути от Утицы офицеру раздробило ядром руку, он потерял много крови, но свое поручение исполнил до конца^{xviii}.

По словам Строганова, выдвинувшийся на новую позицию неприятель «начал устраивать против нас свои батареи, в коих было употреблено *до 22 орудий*. Против них генерал-лейтенант Тучков тот час велел поставить *шесть орудий* батарейной роты № 1-го на возвышенном месте, командующим [над] французскими батареями. Лейб-гренадерский, Екатеринославский и Санкт-Петербургский полки под командою генерал-майора Фока прикрывали наши орудия. В сие время открылась жесточайшая канонада, но несмотря на превосходство неприятельского огня наша батарея неумолчно действовала, пока потерявши всех людей и расстрелявши большую часть своих зарядов, принуждена была уменьшить свой огонь и уже только действовать из четырех орудий». Наградной документ гласит, что командир этой роты полковник В.А. Глухов «с самого начала дела с 6-ю батарейными орудиями устоял против *24 неприятельских пушек* и неоднократно сбил неприятельские батареи и ранен осколком бомбы в правое плечо». В то же время командир 6-й легкой роты подполковник Д.И. Дитерикс 6-й, возглавлявший батарею «из 10 легких орудий, *стоявших на горе с левого фланга батарейных 6-ти орудий*, открыл весьма действительный по неприятелю огонь, чем обратил на себя внимание его» и отвлек часть вражеского огня от батареи Глухова. «Открыли и мы огонь из своей батареи по французам, – вспоминал Карпов, – пальба с обеих сторон производилась ужасно, так что выстрелы из пушек по линии казались, как будто батальный огонь (без очереди) производила пехота, а за громом пушек ружейных выстрелов совсем не было слышно»^{xix}.

Между тем по приказанию Барклая на помощь Тучкову был послан 2-й пехотный корпус генерала К.Ф. Багговута. Полковник И.И. Дитерикс 2-й пишет, что «рано поутру сам командир корпуса повел 17-ю пехотную дивизию... тогда еще 4-я дивизия с артиллерией оставалась на правом фланге». По словам Евгения Вюртембергского, Багговут *с 4 пехотными полками* 17-й дивизии направился к Тучкову лишь в 9 часов, «потом последовал туда за ним *я с четырьмя же полками* 4-й»^{xx}. (Заметим попутно, что четыре егерских полка 2-го корпуса остались на позиции за р. Колочь, прикрывая правый фланг русской армии.) Но Багговут вынужден был задержаться на оконечности 2-й армии, оказывая помощь отряду генерала К.К. Сиверса 1-го. Видя сосредоточение неприятельских сил для атаки, Тучков послал уведомить Багговута, «что неприятель форсирует и непременно намерение его, как замечено, что бы занять высоту у него на левом фланге находящейся». Тогда Багговут послал к Тучкову генерала З.Д. Олсуфьева 3-го со 2-й бригадой 17-й дивизии (Белозерский и Вильманstrandский пехотные полки генерала Я.Е. Вадковского) и шестью орудиями 17-й батарейной роты^{xxi}.

По прибытии этой бригады Тучков «помянутым 6-ти орудиям приказал занять высоты

[видимо, заменив ими пушки 1-й батарейной роты. А.П.]. Неприятель, заметив движение сие, открыл сильный огонь по нашей батарее, послав вперед стрелков под прикрытием сильной колонны, стараясь, дабы не дать занять те высоты... Картечной и ядерной град, производимой с неприятельских батарей, не мог остановить быстроты командующего оными орудиями поручика Щепотьева, которой с удивительным хладнокровием занял назначенное ему место и действовал с невероятною удачею так что... в самое короткое время колонны неприятельские, так быстро шедши на нашу батарею, должны были удалиться. Батарея же неприятельская, невзирая, что у нее поручиком Щепотьевым взорвано два ящика на воздух, не переставала однако ж сильного своего действия, как по батареям, так и по колоннам нашим»^{xxii}.

Ельский заявил, будто бы с занятием Утицы, которую он упорно именует Wogowna, поляки вышли на одну линию с вестфальцами и с корпусом Даву. «Итак, 5-й корпус выполнил свой приказ, то есть занял деревню Wogowna, наполовину уже спаленную гранатами, был отчасти избавлен от дальнейших действий и лишь в бездействии ожидал [дальнейшего] приказа». Ельский явно лукавил или не знал настоящего приказа Наполеона, который на самом деле был недоволен медленным продвижением 5-го корпуса. Он не ожидал, что поляки встретят в этом месте серьезное сопротивление, и рассчитывал на их быстрое выдвигание вперед для взаимодействия с войсками Даву. Император вновь послал к ним Сокольниковского с приказом действовать энергичнее. Раздражение императора было несправедливо, так как он не учитывал особенностей боя в лесистой и заросшей кустарниками местности. Вейсенхоф характеризовал это наступление, как «кровавое продирание через чашу», как бой «с завязанными глазами». Со всех сторон летели пули неприятельских стрелков, повсюду впереди виднелись значительные массы русских, определить силы которых было невозможно. Понятовский также подчеркнул, что «местность была чрезвычайно заросшей, начиная с маленького леса до высоты холма, который доминировал надо всею равниной и который был прочно занят неприятелем; я велел *распустить три батальона в стрелки в густом кустарнике*, который был заполнен большим числом русских пеших егерей: вслед за этим началась оживленная ружейная пальба»^{xxiii}.

По словам Колачковского, «16-я дивизия под начальством генерала Красинского, поддерживая своих стрелков, разбилась на небольшие отряды и хотя ввела в бой две трети всего своего состава, но все-таки вперед не подвигалась. Неприятельские стрелки, отойдя к своим колоннам, перестали отступать и даже перешли в наступление. Трудно было собрать воедино нашу пехоту, рассыпавшуюся в зарослях и кустах, чтобы сформировать из нее колонну для атаки, тем более на виду у неприятельских егерей и под их огнем. Огонь же все усиливался». Начальник штаба этой дивизии вспоминал: «Когда мы с потерями пробивались через чашу, я ехал с несколькими офицерами нашего штаба на правом крыле 16-го полка; но так как мне приходилось из-за густого леса постоянно поворачивать коня то вправо, то влево, я отделился на несколько шагов от фронта на более открытое место. В этот момент я увидел почти перед собой около 20 павловских гренадеров, узнав их по медным шапкам; не дав мне времени опомниться, офицер скомандовал: огонь! – и они дали по мне залп. На таком чрезвычайно близком расстоянии, казалось бы, ни одна пуля не могла не задеть меня; однако только одною я был ранен в правое плечо. Удержавшись все же на коне и заметив штыки приближающегося нашего фронта, я крикнул русским, чтобы они сдавались, надеясь их окружить, – в этот момент вторая пуля прошла у меня между левым боком и локтем, хотя и не ранив меня, но с такой силой, что сбросила меня с коня и дала контузию. Юзеф Мерошевский, капитан нашего штаба,

прибежал в этот момент с несколькими гренадерами и велел отвести меня в тыл». Под командиром 16-го полка князем К. Чарторыским осколком ядра убило лошадь^{xxiv}.

Немного правее, перед фронтом 5 конно-егерского полка Понятовский старался разглядеть сквозь непрерывный ружейный огонь и заслон из зарослей позиции русских, «заглянуть противнику в карты». Дембинский вспоминал, что как только пехота выстроилась впереди кавалерии, «Понятовский приказал нашим четырем полкам построиться в колонну; каждый полк поэскадронно. Итак, эти 4 полка образовали колонну наподобие четырехугольника; затем двинулись и, снова обогнав пехоту, заняли позицию уже в ольховом кустарнике, который окружал наше правое крыло. Князь, видимо, имел намерение ударить кавалерией на орудия Багратиона... Наш полк составлял левое крыло колонны, так что должен был первым наскочить на укрепление. Князь уже даже подал сигнал к атаке, когда, к несчастью для нас и для всей битвы, к князю подъехал генерал Себастьяни». Он заявил, что между корпусом и французской армией появилась масса казаков, которые отрежут поляков и приведут пехоту в расстройство. Князь с видимым неудовольствием выслушал Себастьяни, остановил своего коня, а также и всю колонну.

Затем Понятовский «со штабом двинулся влево к кустарникам, где Себастьяни хотел видеть массы, а вскоре и наш полк получил приказ направиться за князем; мы построили фронт таким образом, что наше правое крыло оказалось напротив батареи Багратиона, а фронт был обращен к тем кустам. Такое положение было для нашего полка невыгодным, ибо косой неприятельский огонь за короткое время вырвал у нас до 40 человек, и среди прочих всеобщего любимца, молодого поручика Виржицкого из Любельского повета [подпоручик Адам Виржицкий – *А.П.*]. Князь Понятовский непрерывно разъезжал перед кустами, приподнимаясь на стременах, чтобы разглядеть те массы, о которых упоминал Себастьяни. Но этих масс, как кажется, там не было, так как высланные позднее из пехоты стрелки, их там не обнаружили; но российские стрелки в этих кустах были многочисленны. Постоянно они выбегали из кустов по четверо или пятеро сразу, прицеливались в князя и стреляли в него, но, к счастью, так в него и не попали. Вскоре наша пехота добралась до кустов, оттолкнула тех стрелков вглубь, но российские стрелки упорно сопротивлялись. Ранеными вышли из кустов полковник Вейсенхоф, майор Суходольский и некоторые другие».

Уже 40 польских орудий вели огонь по холму. Правда, как заметил Солтык, «польская артиллерия, вынужденная приблизиться к москвитам, чтобы доставать их, спустилась с выгодного пункта, который она заняла сначала, и с этого времени подвергалась сверху артиллерийскому огню неприятеля, который занимал доминирующую позицию». Но приказ императора, переданный Сокольницким, подстегивал князя Юзефа к атаке^{xxv}.

Около 11 ч. Понятовский отдал приказ пехоте атаковать. По словам Ельского, он «с этой целью откомандировал начальника штаба 16-й дивизии полковника Вейсенхоффа во главе 15-го полка, чтобы начать атаку, поддержанную остальными частями 16-й дивизии». (Заметим, что, по другим данным, Вейсенхофф уже был ранен, да и сам он ничего не пишет о штурме батареи.) «Атака сразу пошла удачно, – пишет Ельский, – 15-й полк прогнал стрелков из кустарников, заслонявших батарею, и добрался до самой вершины холма». Подполковник М. Рыбинский двинул свой батальон 15-го полка бегом. Его конь увяз в болоте и потому Рыбинский далее двигался пешком. Утомленные бегом солдаты стали продвигаться медленнее и с трудом, но все же приближались к русским пушкам. Русские канониры хотели напоследок дать залп, порох на запале уже загорелся, но выстрела не произошло.

Рыбинский, шедший прямо на жерло орудия, чудом избежал неминуемой смерти. Обойдя холм с юга, он увлек солдат на штурм; они бросились в штыки без единого выстрела. Русский офицер вскочил на коня, орудия стали свозить, русские медленно отступили^{xxvi}.

В 11 ч. в этот район прискакал Солтык и стал свидетелем еще одного отважного поступка. Он нашел польскую пехоту рассыпанную в лесу и перемешавшуюся с русскими стрелками. Видя бесперспективность этой губительной перестрелки, командир 3-го пехотного полка подполковник И. Блумер «соединил человек пятьдесят из своего полка и, схватив за воротник одного барабанщика, приказал ему бить атаку и идти возле него. Затем он стал громко кричать “Ура!”; несколько офицеров, которые сгруппировались вокруг него, как и его храбрые солдаты, делали то же самое, чтобы внушить неприятелю, что в этой стороне имеются значительные соединенные силы. Таким образом, он продвигался с большой решительностью во главе своей маленькой колонны, прокладывая путь штыками... Густота леса мешала неприятелю распознать слабость его отряда; он подумал, что был атакован свежими войсками, двигавшимися в сомкнутом строю, и отступил по всей линии»^{xxvii}.

Овладев возвышенностью, поляки отгеснили русских дальше. Тогда русские открыли артиллерийский огонь, на который отвечали две польские батареи. Тем временем на курган явился Понятовский. Рыбинский выдвинулся через заросли за холмом и увидел поле, а за ним березовый лес. Возле него стояла русская кавалерия: два полка гусар и два – кирасир (мемуариста явно подвела память)
xxviii

Итак, поляки захватили ключ русской позиции – курган, но находившаяся во второй линии дивизия Князевича не сделала ни шага, чтобы поддержать эту атаку, и поляки не сумели развить этот тактический успех. «Первые батальоны, – писал Понятовский, – после больших усилий добрались до вершины холма, но, хотя и были поддержаны другими батальонами, не смогли удержаться против значительно превосходящих сил». По подсчетам Кукеля, до этого времени соотношение сил противников в пехоте было примерно равно: 18 польским батальонам противостояли 12 гренадерских и 12 егерских, причем часть последних сражалась против войск Дессэ, а затем вестфальцев. После же подхода Олсуфьева с бригадой Вадковского соотношение сил изменилось в пользу русских. Теперь 14 русских батальонов двинулись против 6 польских, так как 3 батальона 16-й дивизии были задействованы против русских егерей в лесу. Эти расчеты неточны. На самом деле, к тому времени у Тучкова было 12 гренадерских и 4 егерских батальона, к нему подошли 4 пехотных батальона, из которых 2 сходу были введены в бой. Понятовский же задействовал только 16-ю дивизию (9 батальонов) и до 40 орудий, всего 3,5–4 тыс. чел. Так что соотношение сил было 16–18 против 9 батальонов. Впрочем, точное соотношение сил определить весьма сложно, поскольку расположение егерских полков Шаховского и двух сводно-гренадерских батальонов 3-й дивизии точно не известно. Скорее всего, бригада Шаховского полностью ввязалась в бой с вестфальцами.

Строганов пишет, что неприятель «успел занять гору, на которой стояла наша батарея, но мгновенно с боку генерал-майором Цвиленевым, а в лицо генерал-майором Фоком был сильно встречен и опрокинут с великим уроном, к чему так же немало содействовал подполковник Керн с Белозерским полком, который их взял совершенно с тылу». Багговут уточнил, что «Олсуфьев послал подполковника Керна с батальоном Белозерского пехотного полка опрокинуть непременно неприятеля, которой будучи подкреплен павловскими гренадерами с решимостью бросился на колонну и стрелков неприятельских». Согласно наградным документам, «при отражении с батареей неприятельских

гренадер» Олсуфьев «командировал Белозерского полка 1-й батальон встретить с фронта неприятеля, а другой батальон того же полка послал стороною, которой угрожал неприятель ударить во фланг, каковым искусным маневрам неприятель приведен был в замешательство, а штыки мушкетер наших заставили искать себе спасение в бегстве». С фронта поляков атаковала колонна майора Ермолаева, который со своим «батальоном принял в штыки неприятеля, после со стрелками прогнал неприятеля, рассеявшегося по кустарникам», где был ранен, а подполковник Керн, «освободив нашу батарею, преследовал его до самых французских батарей».

В атаке участвовали и другие войска. Так, майоры Павловского полка Мусин-Пушкин и Пейкер «при атаке высоты, занятой неприятелем, с отличным мужеством бросились с батальонами, сбили усилившегося неприятеля и своевременно истребили неприятельскую сильную колонну», а капитан Санкт-Петербургского полка Головин «ударил со взводом вместе с Павловским гренадерским полком в штыки». Графа Аракчеева полка майор Петров при атаке неприятеля на батарею «храбро с батальоном ударил на него в штыки... обратя в бег»; но в то время, «когда 1-й батальон пошел отбивать батарею от неприятеля, то другая неприятельская колонна из лесу хотела ударить в тыл», почему майор Шварц с другим «батальоном ударил на нее в штыки и опрокинул оную в бегство». «При защищении батареи и прогнании неприятеля, ворвавшегося на оную» отличились и солдаты Екатеринославского полка. Видимо, в это время майоры этого полка Теплов и Плешков с 3-м батальоном были «откомандированы для подкрепления левого фланга, где, выславши стрелков, вредили чрезвычайно предприятиям неприятельским, а несколько его колонн останавливали с батальоном штыками и прогнали до деревни»^{xxix}.

По словам поляков, русские бросились в контратаку *около полудня*. Судя по плотности огня и количеству русских стрелков, Рыбинский оценил их силы в пару тысяч человек. Его батальон был окружен. Он выхватил из рук убитого знаменосца полкового орла и, сформировав колонну, прорвался через русские войска к своим. Батальон потерял при этом четырёх офицеров и от 100 до 300 солдат, но увел с собой 60-80 пленных из Павловского полка. Раненый Рыбинский просил у князя Юзефа позволения возобновить атаку, но такового не получил и был отослан назад, на левое крыло польских войск. Выполняя это распоряжение, батальон отступил с поля боя и при отходе наткнулся на дивизию Князевича, скрытую в кустах возле ручья^{xxx}.

Ельский пишет, что князь Юзеф «сам встал по главе 18-й дивизии, приблизился к кустам, крикнул: “Ура, дети!” и приказал 18-й дивизии идти в штыки». По словам Солтыка, *в первом часу дня* Понятовский, решив «закончить в свою пользу бой, который дивизия Красинского выдерживала в лесу, придвинул дивизию Князевича, которая находилась в резерве на опушке того же самого леса, и, отдав приказы этому генералу, обратился к солдатам, крикнув им: “Идем вперед, дети мои, ура!”. Тогда эти храбрецы, в нетерпении сойтись в рукопашную с москвитами, не дожидаясь приказа своих офицеров, бросились в лес; ряды расстроились; а то, что легко может исполнить компактная масса, не могут осуществить рассыпанные войска. Поэтому неприятельские стрелки держались хорошо, несмотря на новые подкрепления, полученные поляками». Ельский также пишет, что ряды поляков расстроились, «солдаты разъединились, в пылу ворвались в кусты, не всегда могли распознать неприятеля и часто выстрелами разили своих, сражавшихся с неприятелем в первой линии; с рассыпанными солдатами уже невозможно было закончить атаку».

«Тогда генерал Князевич, – продолжает Солтык, – ветеран Рейнской армии, который славно

сражался под командой Моро у Хоэнлиндена, опираясь на свой прежний опыт, посоветовал князю отвести свою пехоту из леса и воссоединить ее на первой позиции, которую она занимала. Понятовский последовал этому совету, и было приказано отступить». Ельский вспоминал, что разосланные адъютанты Князевича, капитаны Вильгельм Орсетти и Мацей Водзиньский, и он сам, «разносили отступавшим отрядам обеих дивизий приказ, выходить из кустов, сам генерал собирал их в массы, прикрываясь своей артиллерией». По словам Солтыка, «это движение было хладнокровно исполнено. Польские батальоны перестроились при выходе из леса и, свернувшись в колонны, медленно и в хорошем порядке отступили, несмотря на перекрестный огонь хорошо поставленной артиллерии неприятеля, пехота которого не отважилась последовать за нашей при ее отступлении. Это движение было закончено *в час пополудни*, и пятый корпус занял позицию около деревни Утицы». Князевич отступал в последних рядах и, прибыв на прежнюю позицию, построил корпус в одну линию, фронтом к неприятелю, и объявил солдатам, что после отдыха, хотя и нежелательного, поскольку войска подвергаются неприятельскому огню, он вновь поведет их на батарею. Тем временем он приказал орудиям вести огонь, насколько позволяли запасы снарядов.

Багговут также упоминает о двух неприятельских атаках, но первая, по его словам, была отбита, и лишь в результате второй курган был взят. «Неприятель, – пишет он, – видя неудачу своей пехотной колонны, послал другую, сильнее прежней, которая непременно хотела взять нашу батарею и уже стрелки ее были у подошвы оной... Двукратное нападение неприятеля не могло иметь желаемого для него успеха почему принужден был удалиться за лес и батарея его совершенно замолчала». Во время этой контратаки был ранен пулею в грудь генерал Тучков, шедший во главе павловских гренадеров, и команду над отрядом принял генерал Олсуфьев, а вскоре после этого Багговут^{xxx1}.

«Мы были отброшены с холма, – признавал Понятовский, – но мы сумели удержаться в лесной поросли... и я велел моим батареям продолжать обстреливать вершину холма, где неприятель имел *двенадцать пушек большого калибра*». По мнению Кукеля, это произошло *около 13 часов*. После этого, по словам Солтыка, «завязалась оживленная перестрелка в зарослях и в лесу между дивизией Красинского и москвитами и продолжалась *в течение двух часов* без заметного преимущества тех, или других». Все польские батальоны оказались распушенными в стрелки, но и русские войска были разделены на небольшие колонны и рассыпаны в стрелки^{xxx2}.

Понятовский пишет, что поляки оставались на позиции возле деревни «*до двух часов пополудни* (du soir), когда я, заметив, что достигнут значительный прогресс в центре, приказал [произвести] новую атаку на холм, каковая была поддержана кавалерией, достигшей обратной стороны холма почти в тот же момент, когда пехота сумела там утвердиться. Неприятель предпринимал усилия, чтобы взять его обратно; он не только был резко отбит, но я преследовал его более одного лье [более 4,5 км] с пехотой, кавалерией и конной артиллерией. Кавалерия несколько раз атаковала пехоту, которая понесла большие потери. Пленных совсем не было, так как кавалерия рубила все, что попадалась ей под руку». В этом рапорте картина боя значительно упрощена, да и время указано неверно.

По словам Колачковского, «*около 3-х часов дня* князь Понятовский, которого торопил своими приказаниями император, решил возобновить отбитую атаку всеми своими силами. Построив обе дивизии в сомкнутые колонны, он лично повел их на холм и, благодаря поддержке кавалерии с фланга, стремительным натиском отобрал его вторично и поставил на гребне свою артиллерию». Солтык

пишет, что Понятовский пошел в наступление после двух часов отдыха, то есть в 15 час. «В то время, как его пехота пошла развернутым строем (*en ligne*) прямо на позицию, занятую москвитями, тринадцатый полк польской кавалерии (гусарский) под командой полковника Толинского, во главе которого находился генерал Себастьяни, пошел через деревню Мушина (*Muszyna*) и обошел левый фланг неприятеля, продвигаясь по местности заросшей и покрытой кустарниками». По приказу Себастьяни, впереди полка широким рассыпным строем (*en fourrageurs*) скакал через заросли эскадрон капитана Станислава Гавроньского, который стремительно атаковал русских стрелков. За этим эскадронами последовали другие с двумя конными орудиями, заходя русским в тыл. Дивизия казаков, обойденная этим движением, в беспорядке отступила; три других польских кавалерийских полка живо ее преследовали^{xxxiii}.

На *крайнем южном фланге* против поляков действовали следующие войска. Майор Богданович из Таврического полка «командирован был на левый фланг 6 [3-го] корпуса с стрелками 1-го батальона, и когда неприятель стремился обойти левый фланг нашей армии, то он... неоднократно опрокидывал колонны и линию стрелков с утра от 4-х и до самого вечера 4-х часов»; при этом его солдаты «троекратно наступали на неприятельскую линию стрелков, которую с большим уроном опрокидывали и истребляли». Когда обер-аудитор 17-й дивизии Жаглевский послан был Олсуфьевым «на самой левой фланг для отыскания казаков, то встретил неприятельскую колонну, хотевшую нам зайти во фланг, почему он, собрав до ста человек рассеянных стрелков, устроив из них цепь и ободряя, приказал вступить в дело; между тем с отличною скоростью донес генерал-лейтенанту Алсуфьеву о сем и по приказанию его отвел на то место Белозерского полка батальон». Из наградных документов выясняется, что майор Белозерского полка Ермолаев «пополудни... находился с двумя ротами в стрелках против неприятельских стрелков»; поручик Сукачев был «после полудня со взводом стрелков в подкреплении майора Ермолаева при отражении неприятельских егерей», а прапорщик Мироненко во время этого боя взял в плен неприятельского офицера.

Здесь же, на самом крайнем фланге битвы, находились и казаки из отряда Карпова 2-го. Когда в полуденные часы «неприятель потянулся с нашего левого фланга к стороне отряда... Сиверса», Багговут, «заметя сие, послал сильную партию казаков полка генерал-майора Карпова открыть на нашем левом фланге неприятеля, которые подъезжая к деревне, где он занимал позицию, нашли его несколько колонн и артиллерии скрытых в лесу. Неприятель щол оное за атаку, немедленно выдвинул свои орудия, выслав стрелков и открыв огонь по казакам»^{xxxiv}.

Что касается упомянутого выше боя за расположенную в лесу возвышенность (Утицкий курган), то здесь показания сторон почти совсем не сходятся. Вестфальцы уверяют, что они взяли его с боя вместе с поляками. Строганов об оставлении кургана вообще не упоминает, а говорит лишь о том, что «продолжался сей кровопролитный бой до самых сумерек». Багговут же сообщил, что в конце дня неприятель «решился наконец сделать решительный удар на наш левый фланг, устроив сильную колонну из пехоты, *поставив по флангам кавалерию*, с приметною быстротою бросился на нашу батарею, командуемую штабс-капитаном Лесковым и уже кавалерия его на половине горе очутилась», но полковник Пышницкий с Кременчугским полком бросился со штыками наперевес, «и в одну минуту неприятель был согнан с батареи». Заметим, что эта батарея, поставленная на возвышенности, состояла из шести батарейных орудий 4-й батарейной роты, причем С.Я. Лесков до этого «наводимую неприятелем против той высоты батарею сбил несколькими выстрелами, чем и воспрепятствовал

навесть оную»; на крайнем левом фланге находилось несколько орудий 33-й легкой роты, которые «содействовали к вытеснению неприятельских колонн из кустарника», дважды опрокидывали неприятельские колонны и кавалерию, которая «выстроилась в линию с намерением напасть на наш левый фланг». Кременчугский же полк, направленный в атаку Е. Вюртембергским, первоначально был оставлен Багговутом левее отряда Северса, а значит, позднее, возможно, в 16 ч., был передвинут к югу. «После чего я, – продолжает Багговут, – приказал войскам собраться к дороге, ведущей к городу Можайску, дабы в случае надобности мог соединиться с армией, по этому ж обстоятельству и батарею с высоты приказал снять. Неприятель, воспользовавшись сим случаем, устремил все свои силы меня преследовать, почему я принужден был построить вторично войски по обеим сторонам дороги, а 4 орудиям роты подполковника Башмакова приказал действовать по неприятелю, которой сделал несколько удачных выстрелов, а стрелки наши стороною леса зашли ему во фланг, чем самым паки обратили его в бегство».

По словам Е. Вюртембергского, *около 18 часов* «Багговуд отступил до возвышенности, впереди Псарева, и остановился здесь почти на одной высоте с фронтом левого крыла остальной армии. Отряд, находившийся ближе других к неприятелю, решил снова овладеть только что оставленным местом; но ни Багговуд, ни Коновницын, который в это время был опять здесь, не думали о наступлении. Багговуд вскричал с жаром: “А! так я возьму горсть гренадеров и с ними остановлю смельчаков!”. Кременчугскому и Минскому полкам показалось, что слова корпусного командира относились к неприятелю, и эта ошибка стоила им еще несколько сот человек: их ревностное усердие восторжествовало над просьбами и возражениями Багговуда... Наконец и я испросил у Багговуда и Коновницына позволение снова овладеть оставленной высотой, но едва не поплатился за это весьма дорого: я уж сбил с нее неприятеля, как вдруг *поляки* напали в превосходных силах на мои два полка и следовавшую за ними бригаду Керна (прежде графа Ивелича)». 2-я бригада 4-й пехотной дивизии (Кременчугский и Минский полки, в которых оставалось на тот момент около 500 человек с 4 орудиями) была встречена залпом *польской пехоты*, а затем атакована 12-м уланским полком и отступила с уроном. Колачковский заметил, что Багговут «напрасно старался овладеть потерянной позицией».

Согласно наградным документам, русские «удерживали место сражения до поздней ночи», до 21 ч. Северс писал, что оба полка «князя Шаховскаго, подкрепленные одним полком корпуса генерала Баггевута, удерживали стремление неприятеля до наступления ночи». Командир Брестского пехотного полка майор П.А. Чертов 1-й вспоминал, что его бригада, «когда уже стемнело и сражение прекратилось, выведена из лесу на дорогу и представлена мною Багговуту с примкнувшими к ней егерями, в числе до 6.000. Он не ожидал этого числа сохранных войск и сказал: “Теперь я опять корпусный командир”». Таким образом, 1-я бригада 17-й дивизии соединилась с отрядом Багговута лишь в самом конце сражения. Казаки Карпова до самой темноты следили за действиями неприятеля и информировали об этом Багговута^{xxxv}.

«Наши дивизии, – говорит Колачковский, – провели ночь на отнятой позиции, не принимая особенных предосторожностей». По словам Ельского, «кавалерия и шестнадцатый пехотный полк провели ночь в кустах на дороге в Можайск, а артиллерийская батарея на только что захваченном холме была прикрыта вторым и восьмым пехотными полками». Как тут не подивиться заявлению Багговута, будто его войска вечером обратили неприятеля в бегство и преследовали, но «несколько остановились,

ибо темнота ночи не позволила более пользоваться сим случаем, послав только партию казаков наблюдать его отступление, которые потом возвратясь донесли мне, что неприятель отступил за Москву реку»^{xxxvi}.

Понятовский донес Бертье, что поляки захватили один зарядный ящик от 12-фунтового орудия, некоторое количество гаубичных зарядов и пленных, которые будут доставлены в Главную квартиру на следующее утро; пока же он посылает маршалу «одного офицера, который явился, покинув русские знамена, желая, как поляк, служить своей родине. Он в состоянии дать нам очень ценные сведения». Князь сообщил, что против него сражался «армейский корпус Тучкова, состоявший из гренадерской дивизии Строганова, называемой второй гвардией (*la seconde garde*) и дивизии Кановницына, кроме того, два батальона гренадеров резерва, *два полка милиции*, один полк улан и один – гусар»^{xxxvii}.

Необходимо заметить, что участники сражения были убеждены, что маневр, предписанный Тучкову, был легко осуществим, и вину за его неисполнение первоначально возлагали на Тучкова. Так, принц Евгений писал, что особенное затруднение для Наполеона представляли «довольно обширные кустарники и рощи по флангам и в тылу нашего расположения. Нам они благоприятствовали». Поэтому «наступательное движение с левого нашего фланга против Понятовского... уже по одному этому должно было бы оказать лучшее действие, чем демонстрация на правом, где она совершенно была открыта для неприятеля». «Очевидцы этого дня утверждают, – писал Бутурлин, – что бездеятельность генерала Тучкова много способствовала потере сражения... что Тучков мог убедиться в слабости атаки Понятовского, что французы с этой стороны не были особенно сильны, должен был оставить несколько отрядов для охраны Старой Смоленской дороги, а с остальным своим корпусом направиться прямо к селу Семеновскому... Но Тучков не воспользовался таким прекрасным случаем. Повинуясь старинной неприязни против князя Багратиона, он не захотел присоединиться к главной армии, чтобы не очутиться под начальством Багратиона»^{xxxviii}. Обвинения эти необоснованны; так рассуждали стгоряча те, кто не был на месте боя и не знал реального соотношения сил и характера местности.

Некоторые участники войны порицали Наполеона за отказ от обхода. Так, Бутурлин считал ошибкой его лобовые атаки на русский левый фланг. «Не поступил ли бы он лучше, совершая лишь ложные атаки на этот левый фланг с тем, чтобы направить главную массу своих войск на старую Смоленскую дорогу против корпуса Тучкова? Можно сказать с уверенностью, что этот последний не мог бы долго сопротивляться... и тогда наша армия была бы вынуждена покинуть позицию; если же она стала бы упорствовать на ее сохранении, то гибель ее сделалась бы неизбежною. В самом деле, неприятель, живо преследуя Тучкова, мог выйти на большую дорогу, в тыл нашей армии, которая таким образом оказалась бы отрезанною от Можайска и отброшенною, как бы в западню, между реками Москвою и Колочью». Впрочем, признавал историк, Наполеон действовал в чужой стране, у него не было ни карт, ни проводников, и он никогда не удалялся от большой дороги^{xxxix}. Полагаем, что эти обвинения также безосновательны, ибо исходят только из положения дел на карте, без учета реального соотношения сил и характера местности, в полном соответствии с известной присказкой: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Стремительное наступление по лесной дороге было невозможно, тем более, что применение кавалерии было почти невозможно, а Багратион, не подвергавшийся бы в таком случае сильнейшему давлению, мог выделить подкрепление Тучкову. Помимо прочего, Наполеон уже не имел на тот момент численного превосходства, чтобы позволить себе выделить для обхода

значительное число войск.

Действия 5-го корпуса, – подвел итог Кукель, – планировавшиеся как обход левого крыла неприятеля, на деле превратились в лобовое столкновение. Силы польского корпуса были слишком малы, чтобы сокрушить сопротивление русских и затем совершить обход; дело здесь дошло до упорного боя, долго остававшегося нерешительным по причине лесистой местности. Поляки и вестфальцы заняли в конце концов поле боя, но бой в Утицком лесу не дал решительных результатов и оказал лишь косвенное влияние на ход великой битвы.

Кукель считал, что маневр, как его планировал Наполеон, не удался ни по времени, ни по предусмотренной форме. «Усилия поляков, поддержанные усилиями вестфальцев, содействовали, тем не менее, исходу баталии, притянув два армейских корпуса неприятеля», вызвав ослабление противника возле Семеновской, последовательно сокрушив сопротивление противостоявших им сил, постоянно навязывая инициативу в течение всего дня. «История дня 7 сентября для 5-го корпуса проста. “Наполеон, – говорит Жомини, – считал, что Понятовский совершит маневр без больших помех, чтобы обойти противника; напротив, пришлось действовать против сил, вдвое больших, чем у него”. Точнее не скажешь. Действительно, соотношение сил менялось в ходе сражения. С силою в 18 батальонов Понятовский сначала сражался с 16 батальонами (первая гренадерская дивизия и два егерских полка 3-й); затем, после прибытия Олсуфьева, это будут 20 батальонов; наконец, после прибытия Вюртембергского (с одним полком 4-й и двумя – 17-й) это будет (не считая егерей и гренадерского полка, сражавшихся против Жюно) двадцать четыре батальона.

50 орудиям Понятовского русские противопоставили сначала 70 орудий, затем, как минимум, 80. 16 эскадронов поляков имели дело с 30 сотнями казаков. Это не считая 7000 русских ополченцев (*miliciens*), одна часть которых сражалась, а остальные изображали и играли роль “внушительных резервов”; не считая, далее, частей, задействованных против вестфальцев. Вместе Понятовский и Жюно могли использовать в момент финального усилия только 28 батальонов и 76 орудий против 32 батальонов и 90 орудий Багговута, который, к тому же, смог уже присоединить остатки 12 отосланных батальонов (3-й и 4-й дивизий).

К этому численному превосходству противника следует прибавить “характер местности”. Понятовский сражался на очень лесистой территории, где оценка реальных сил неприятеля была почти невозможна, где крайняя осторожность была настоятельно необходимой, где, наконец, ведение боя было затруднено и, естественно, вело к его затягиванию. В данных обстоятельствах было почти невозможно достичь более скорых и более решительных результатов. Можно только согласиться с заключением Шамбрэ: “Если Понятовский не смог исполнить того, что ему было приказано, то это проистекало из местности и числа войск, которые были ему противопоставлены”»^{xl}.

В рассуждениях польского историка есть, конечно, передержки, но, в целом, польские войска со своей задачей не справились. Планируемый императором обход русской позиции не удался. Посланные им в поддержку вестфальцы также увязли в лесном бою. Нужно отметить недостаток решительности и инициативы в действиях обоих корпусных командиров. Войска вводились в бой постепенно, численного преимущества достичь не удалось; русские успевали подтягивать сюда резервы. В итоге дело свелось к лобовому столкновению, к постепенному вытеснению русских с их позиций. По большому счету, характер действий был таким же, как и на других участках сражения, только примерное равенство сил и характер местности привели к затяжным боям; не случайно Багговут отвел

свои войска позднее других.

Что касается действий русских войск на крайнем левом фланге, то их необходимо оценивать дифференцировано. Сен-При, Е. Вюртембергский, Щербинин, учитывая задачу, которая стояла перед войсками Тучкова, отмечали, что она не была выполнена, и даже обвиняли этого генерала или Беннигсена. Действительно, «пустить скрытное войско в тыл» противника не удалось, но в этом, конечно, нет вины ни русского Тучкова, ни немца Беннигсена. На самом деле, в неисполнении кутузовского замысла «виновен» был расчетливый противник, направивший на левый русский фланг столько войск, что думать о контрударе уже не приходилось, но только об отчаянной защите.

Русское командование не ожидало, что Наполеон двинет по этой дороге значительные силы, а сам Тучков был вынужден отослать одну дивизию Багратиону. В такой ситуации ему приходилось думать лишь об обороне. Нерасторопность Понятовского дала время подойти русским подкреплениям. Далее противники постепенно наращивали свои силы на этом участке битвы, и задачей принявшего команду Багговута стало одно – удержание позиции, в чем ему способствовал характер местности. С этой задачей русские войска полностью справились.

Даже много лет спустя участники сражения, как с русской (Е. Вюртембергский), так и с неприятельской стороны (Я. Вейсенхоф) высказывали уверенность, что и те и другие легко могли совершить в этом районе обходной маневр или фланговую атаку. Однако то, что произошло на деле, заставляет усомниться в столь оптимистических прогнозах. Даже обладая некоторое время численным превосходством над Тучковым (о чем, впрочем, он мог и не догадываться), Понятовский не смог совершить обход его войск.

Наиболее точно относительно боя в Утицком лесу высказался Витмер: «Если Кутузов направил 3-й корпус Тучкова на старую Смоленскую дорогу для того, чтобы внезапно атаковать французские войска, направления против Семеновских высот, то и Наполеон направляет на старую Смоленскую дорогу корпус Понятовского с аналогичной целью обойти наши позиции с левого фланга. Оба главнокомандующие таким образом желали действовать здесь во фланг неприятелю: русские – наступающему, французы – обороняющему позиции, и как тот, так и другой были парализованы распоряжениями противника, так что вместо обходов, как Тучкову, так и Понятовскому, пришлось сражаться друг против друга, не задаваясь более никакими посторонними вне этой борьбы целями»^{xli}. Одним словом, противники довольно легко парализовали запланированные перед сражением намерения друг друга. Но далее боевые действия разворачивались уже не в пользу поляков, ибо задачей их было наступление, а русских – оборона, и ясно, что лесистая местность способствовала последним. В конечном счете русские войска отошли, но на других участках сражение к тому времени уже завершилось.

Подводя итоги нашего исследования, следует подчеркнуть следующее. В связи с тем, что основной удар противника пришелся на Багратионовы флешы и д. Семеновское, туда были стянуты основные силы 2-й русской армии и большая часть подходивших на левый фланг подкреплений. В связи с этим на крайнем левом фланге 2-й армии осталось очень мало войск (Литовский уланский полк, конно-артиллерийская рота и часть московских ополченцев), чтобы прикрыть его от обхода и держать связь с группой Тучкова 1-го. С другой стороны, противник, понеся тяжелые потери при взятии флешей, с трудом пробивался через Утицкий лес, постепенно наращивая свои силы за счет вестфальцев и некоторых полков 4-й и 5-й пехотных дивизий. Русским также пришлось остановить здесь часть

войск Багговута, изначально направленных на усиление группы Тучкова. Количество противоборствующих войск с обеих сторон постепенно росло, и соотношение сил здесь было примерно равным. Обороняющимся помогала лесистая местность, так что быстрого продвижения у неприятеля здесь не могло получиться. Все это обусловило затяжной характер боев на данном участке противоборства, не принеся значительного успеха наступающей стороне. Противнику не удалось прорвать русский фронт, который отступил на одном уровне с войсками Багговута. Несмотря на относительно небольшое количество сражавшихся здесь войск, мужество и упорство, которые они проявили, было таким же, как и на других участках сражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁱ Толь К.Ф. Описание сражения при селе Бородине...; рапорты Багговута, Строганова, Шаховского // Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962; *Württemberg E. Erinnerungen...* Breslau, 1846; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского // Воен. журн. 1948. № 1 (далее – Вюртембергский); *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1860 Т. 2. *Скугаревский А.П.* Бородино. СПб., 1912.
- ⁱⁱ Рапорт Понятовского // *Langlois C.J. Panorama de la bataille de la Moscowa. P. S.a.; Oginski M. Mémoires sur la Pologne et de polonais.* Paris, 1827. Т. IV. P. 36–37; *Chuquet A.* 1812: La Guerre de Russie. P. 1912. Т. 1.
- ⁱⁱⁱ *Soltky R.* Napoléon en 1812. Paris. 1836; *Pamiętnik generala Jana Weyssenhoffa.* Warszawa, 1904 (далее – *Weyssenhoff*); *Jelski L.* Marsze i działania korpusu polskiego w kampanji 1812 // *Bronikowski K.* Pamiętniki polskie. P., 1843 Vol. III. P. 46–52 (далее – *Jelski*); *Pamiętnik Henryka Dembińskiego, Jenerała wojsk polskich.* Poznań, 1860 (далее – *Dembiński*); *Kolaczowski.* Wspomnienia. Krakow, 1898. Т. 1. *Rozwadowski A.* Pamiętniki. Lwow, 1889; Из записок генерала Я. Вейссенгофа (далее – *Вейссенгоф*) // Воен.-ист. сборник. 1912. № 2; Воспоминания генерала Колачковского о походе 1812 г. (далее – *Колачковский*) // *Военский К.* Исторические очерки и статьи. СПб., 1912. Рукописные воспоминания Рыбинского использованы в трудах Кукеля и С. Пржевальского. Помощник начальника инженеров Колачковский вспоминал: «Находясь во время битвы в штабе князя Понятовского, я был неоднократно посылаем с приказами к нашей пехоте и на позиционную батарею... Когда огонь, как казалось, стихал, я с карандашом в руках зарисовывал позицию по мере нашего и неприятельского движения». 8 сентября он закончил чертить план сражения (*Колачковский*. С. 234).
- ^{iv} *Gourgaud G.* Napoléon et la Grande Armée en Russie... P., 1825 (далее – *Gourgaud*); Исследования Гурго, Пеле и Шапои опубликованы в кн.: *Bibliothèque historique et militaire.* P., 1853. Т. VII. (далее – *Pelet, Chapuis*).
- ^v *Dembiński.* Op. cit. S. 136; *Kukiel.* Jazda. 13, 19; *Kukiel.* Les Polonais. 17, 27.
- ^{vi} *Pelet.* Op. cit. P. 513; ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 62; *Jelski.* Op. cit. P. 120; *Kolaczowski.* Op. cit. P. 120; *Колачковский.* Указ. соч., С. 231–232; *Gourgaud.* Op. cit. P. 233; *Kukiel.* Les Polonais. S. 27–28.
- ^{vii} *Weyssenhoff.* Op. cit. S. 146; *Вейссенгоф.* Указ. соч. С. 221; *Segur.* Op. cit. I. 380–381; *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 124; *Langlois C.J.* Op. cit. P. 10; *Kukiel.* Jazda. 14, 63; *Kukiel.* Les Polonais. S. 28; *Kukiel.* II. S. 158; *Богданович М.И.* Указ. Соч. Т. 2. С. 165–166. Солтык пишет, будто бы император желал, чтобы Понятовский повернул прямо на фланг Багратиона, куда позднее были направлены вестфальцы. Кукель верно заметил, что это противоречит диспозиции императора, где говорится о взятии деревни и об обходе; кроме того, сбивать русских егерей с опушки леса поручено было дивизии Ж.М. Дессэ. Бескровный, в своей излюбленной манере передергивать факты, писал, будто Наполеон отказался от предложения Даву потому, что «опасался, что русские, обнаружив эту группу войск, смогут легко ее уничтожить» (*Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 377).
- ^{viii} *Витмер А.* Бородинский бой // Воен.-ист. сборник. 1912. № 3. С. 154–155.
- ^{ix} Все расписания русских армий упоминают в составе этого отряда полки А.И. Быхалова 1-го и Д.Д. Комиссарова 1-го, однако они незадолго перед тем были направлены прикрывать границы Калужской губернии и 26 августа разбили партию мародеров у с. Воскресенского на границе Боровского уезда (*Бессонов В.А., Попов А.И.* Действия казачьих отрядов... // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2004. С. 26–27).
- ^x Бородино: Документы... С. 173, 331; *Bernhardi T.* Denkwürdigkeiten... Tolls. II. 39–43; *Kukiel.* Les polonais. S. 75–76.
- ^{xi} Бородино: Документы... С. 393; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. // РС. 1894. № 10. С. 207; *Мешетич Г.П.* Исторические записки... // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 47; *Вюртембергский* Указ. соч. С. 52, 73, 83; *Глинка Ф.* Письма русского офицера. М., 1987. С. 320.
- ^{xii} *Богданов.* Боевой порядок. 111; *Ларионов А.П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год. С. 119, 127. 10 сентября Сокольниковый сообщил, что, по показаниям русских пленных, шесть полков 1-й гренадерской дивизии имели по 800–900 человек, так что в дивизии было около 5 тыс. пехотинцев, не считая артиллеристов (*Kukiel.* Les polonais. 76).
- ^{xiii} *Langlois S.J.* Op. cit. P. 7; *Soltky R.* Op. cit. P. 222. Колачковский уверяет, что корпус двинулся после того, как в 6 часов войскам зачитали приказ императора. Судя по многим свидетельствам, приказ действительно зачитывался в 6 часов (когда стало светать), но войска уже до этого выдвигались на исходные позиции.
- ^{xiv} *Kolaczowski.* Op. cit. P. 121; *Колачковский.* Указ. соч., С. 229, 232–233; ЧОИДР. 1872. Кн. I. С. 74; *Weyssenhoff.* Op. cit. S. 144; *Вейссенгоф.* Указ. соч. С. 220; *Jelski.* Op. cit. S. 50; *Kukiel.* Les polonais. S. 78. Колачковский отметил, что «назначение командиром нашей дивизии Себастьяни считал за немилость. Но поляков он знал и любил... Поэтому он не высказывал своего мнения и был чрезвычайно внимателен к своей дивизии, но нас предупредили, что в деле командования кавалерией он совершенно неопытен». Геруа писал, что поляки только к 9 ч. вышли на Старую дорогу (*Kukiel.* Jazda. S. 63; *Zych G.* Armia ksiestwa Warszawskiego. Warszawa, 1961. S. 317; *Геруа.* Указ. соч. С. 46).
- ^{xv} *Soltky R.* Op. cit. P. 217, 219; *Kukiel.* Les polonais. S. 77.
- ^{xvi} Вопреки этому ясному свидетельству Коновницына историки упорно размещают 3-ю дивизию в первой линии корпуса.
- ^{xvii} Бородино. Документы... С. 151–152, 165, 168, 306, 397, 394; *Dembiński.* Op. cit. S. 136; *Глинка Ф.* Указ. соч. С. 300; *Афанасьев В.* Павловцы на Бородинском поле. М., 1912. С. 19, 23, 26, 29–30; *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 193; *Скугаревский А.П.* Указ. соч. С. 63, схема 4; *Kukiel.* Les polonais. S. 77; *Геруа.* Указ. соч. С. 47. Строганов написал рапорт Коновницыну 6 сентября, а Коновницын Кутузову – 19 сентября; этим можно объяснить сходство их содержания. Но Коновницын наверняка был свидетелем начала боя.
- ^{xviii} *Langlois C.J.* Op. cit. P. 7; *Soltky R.* Op. cit. P. 222–223, 225–226; *Jelski.* Op. cit. S. 50; *Колачковский.* Указ. соч. С. 233; *Oginski M.* Op. cit. P. 36; *Kukiel.* Jazda. S. 63–64; *Kukiel.* Les polonais. S. 79–80. Заметим, что Понятовский не знал названия деревни, перепутав ее с Псаревом. Толь пишет, что поляки заняли деревню «в непродолжительном времени» (Бородино. Документы... С. 322).
- ^{xix} Бородино. Документы... С. 152, 311–312, 323; *Soltky R.* Op. cit. P. 223; *Афанасьев В.* Указ. соч. 33. Вслед за Бутурлиным (т.е. планом Толя) историки описывают расположение войск Тучкова так: справа от подошвы кургана стали Лейб-гренадерский и Аракчеева полки; за ними в резерве – Павловский полк; левее кургана – Екатеринославский и Санкт-Петербургский полки, между которыми находилась батарея из 12 орудий. Невнимательно прочитав источники, они пишут, будто бы на кургане, «по тесноте его вершины, можно было поставить только четыре батарейных орудия» (*Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 12. С. 193; *Скугаревский А.П.* Указ. соч. С. 64; *Геруа.* Указ. соч. С. 46–47).
- ^{xx} Цит. по: *Павлов И.В.* Артиллерия в 1812 г. // ВИВ. 1912. Кн. 3. С. 96; *Вюртембергский.* Указ. соч. С. 63; *Любеньков Н.* Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837. С. 27–28; *Троицкий.* Указ. соч. С. 151.
- ^{xxi} Бородино. Документы... С. 185.
- ^{xxii} Там же. Сю 152, 185, 311–312.
- ^{xxiii} *Jelski.* Op. cit. S. 50; *Kukiel.* Jazda. S. 64, 66; *Langlois S.J.* Op. cit. P. 7.
- ^{xxiv} *Колачковский.* Указ. соч. С. 233; *Вейссенгоф.* Указ. соч. С. 220; *Weyssenhoff.* Op. cit. S. 144–145; *Dembiński.* Op. cit. S. 136.
- ^{xxv} *Dembiński.* Op. cit. S. 136–137; *Soltky R.* Op. cit. P. 227; *Kukiel.* Jazda. S. 66; *Kukiel.* Les polonais. С. 82. Дембинский рассказывает, что во время артиллерийского обстрела в нескольких десятках шагов от него упала граната и начала шипеть, как обычно перед тем, как лопнуть. Полковник З.А. Курнатовский подскочил к правому крылу 7-й роты и приказал ей податься назад, что сделало также левое крыло 6-й роты

Дембиньского. Тогда последний, пришпорив коня, двинулся прямо на вращающуюся гранату, встал прямо над ней и стал поименно называть своих солдат, чтобы выровнять строй. Судьбе было угодно, чтобы граната не взорвалась. Этот поступок был замечен *уланским полком, стоявшим позади 5-го конно-егерского*, и после сражения Дембиньского хвалили за проявленное самообладание (*Dembiński*. Op. cit. S. 171).^{xxvi} *Jelski*. Op. cit. S. 50–51; *Przewalski S.* General Maciej Rybinski. Wrocław, 1949. S. 21; *Колачковский*. Указ. соч. С. 233; Бородино. Документы... С. 303; *Афанасьев В.* Указ. соч. С. 34; *Kukiel*. Les polonais. S. 82. Наградной документ свидетельствует, что Лейб-гренадерский полк майора Демченкова находился «во время бывшей сильной канонады при прикрытии батареи с 5,5 часов утра до 11-го часа».

^{xxvii} *Solyk R.* Op. cit. P. 233; *Przewalski S.* Op. cit. S. 22.

^{xxviii} *Przewalski S.* Op. cit. S. 22.

^{xxix} Бородино. Документы... С. 169, 137, 226, 241–243, 302, 305–309, 323; *Kukiel*. Les polonais. S. 83–84. Упомянутое Данилевским обращение Коновницына: «Славно, Керн! Будь в моей воле, я снял бы с шеи моей Георгиевский крест и надел его на тебя» (Бородино: 1812. М., 1987. С. 209) нельзя относить ко времени этой атаки, поскольку в то время генерал находился у Семеновского ручья.

^{xxx} *Langlois C.J.* Op. cit. P. 7; *Przewalski S.* Op. cit. S. 22–23; *Колачковский*. Указ. соч. 233–234; *Kukiel*. Jazda. S. 66–67; *Kukiel*. Les polonais. S. 84; *Афанасьев В.* Указ. соч. С. 34. Колачковский обвинял Понятовского в том, что тот «всегда водил батальоны в огонь по одному, причем выделялся своим прекрасным рыцарским видом» и «не брал сразу несколько батальонов из резервов, или из второй линии. Этот ошибочный прием, заимствованный им от австрийцев, был губелен для нашей пехоты».

^{xxxi} *Solyk R.* Op. cit. P. 237–238; *Kolaczowski*. Op. cit. P. 120; *Jelski*. Op. cit. S. 51–52; Бородино. Документы... С. 185–186; *Афанасьев В.* Указ. соч. С. 35; *Kukiel*. Les polonais. S. 84.

^{xxxii} *Langlois C.J.* Op. cit. P. 7; *Solyk R.* Op. cit. P. 228, 238; *Kukiel*. Jazda. S. 67; *Kukiel*. Les polonais. S. 85–86; *Гегья*. Указ. соч. С. 59.

^{xxxiii} *Langlois C.J.* Op. cit. P. 7; *Колачковский*. Указ. соч. С. 234; *Solyk R.* Op. cit. P. 238–239; *Jelski*. Op. cit. S. 52; *Kukiel*. Jazda. S. 68; *Morawski R.*, *Wielecki H.* Wojsko księstwa Warszawskiego. Kawaleria. S. 96–97.

^{xxxiv} Бородино. Документы... С. 311, 228–229, 242–243, 186.

^{xxxv} Там же. С. 152, 187, 227, 239, 240, 247–248; *Jelski*. Op. cit. S. 52; *Kolaczowski*. Op. cit. P. 123; *Solyk R.* Op. cit. P. 237; *Brandt*. Op. cit. II. 418; *Колачковский*. Указ. соч. С. 234; *Чертов*. Указ. соч. 12; *Богданович*. Указ. соч. Т. 2. С. 217–218; *Афанасьев В.* Указ. соч. С. 26; *Kukiel*. Les polonais. S. 88–89; *Коршиков Н.* Донские казаки в Бородинском сражении // Дон. 1987. № 9. С. 154. Е. Вюртембергский говорил, что лично прибыл к Багговуту около 16 ч. и застал на этом участке затишье и что об этом случае «до сих пор ничего не было писано»; действительно, ни Багговут, ни Коновницын не упомянули об этом в своих донесениях (*Hofmann-Chappuis A.* Die nachgelassene Correspondenz zwischen dem Herzog Eugen von Württemberg und... Hofmann... Cannstat., 1883. S. 66; *Вюртембергский*. Указ. соч. С. 74–76).

^{xxxvi} *Jelski*. Op. cit. S. 52; *Колачковский*. Указ. соч. С. 234; *Kukiel*. Les polonais. S. 90.

^{xxxvii} *Langlois C.J.* Op. cit. P. 7. Возможно, речь идет о майоре Ингерманландского драгунского полка Пиотровском; с его слов генерал Красинский написал Наполеону, что русские потеряли при Бородино 30–35 тыс. чел. (ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 10. Л. 56–59).

^{xxxviii} *Вюртембергский*. Указ. соч. С. 73; *Бутурлин Д. П.* Кутузов в 1812 г. С. 207.

^{xxxix} *Бутурлин Д. П.* Кутузов в 1812 г. С. 205–206; *Vaudoncourt G.* Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre... L. 1815. P. 177–178; *Weysenhoff*. Op. cit. S. 146. Обзор мнений историков по этому вопросу см.: *Земцов В. Н.* Французская армия 6 сентября 1812 г... // Отечественная война 1812 года. Бородино, 1998. С. 75–77.

^{xl} *Jomini*. Op. cit. IV. 127; *Chambray*. Op. cit. I. 316; *Kukiel*. Jazda. S. 63, 69; *Kukiel*. Les polonais. S. 91–92.

^{xli} *Витмер А.* Указ. соч. С. 150.